

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И НРАВСТВЕННОГО РЕЛЯТИВИЗМА

...Пилат сказал Ему: что есть истина?
Ин. 18, 38

*Если пребудете в слове Моем, то вы истинно
Мои ученики, и познаете истину, и
истина сделает вас свободными*
Ин. 8, 32

Целью всякого человеческого познания является постижение истины, и без этой возможности — познать истину — исчезает смысл всякой разумной деятельности человека. Книга Бытия повествует, как Адам нарекал имена животным (см.: Быт. 2, 20), что свидетельствует о возможности первоначально постижения человеком сути вещей и что человек теряет после грехопадения. Премудрый Екклесиаст говорит, что Бог призывает человека и после грехопадения исследовать сотворенный Им мир: *и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем* (Еккл. 1, 13).

Вопрос о возможности постижения истины занимал человека с древнейших времен, и следы этого мы находим уже в Древней Греции. Довольно часто этот вопрос получал отрицательный ответ: истину познать невозможно, а все наши представления носят относительный характер. Путь

релятивизма¹ прослеживается с древнегреческой философской мысли, особенно последовательно обозначившей себя в воззрениях софистов, провозгласивших в лице Протагора человека мерой всех вещей и тем самым утвердивших относительность истины: сколько людей, столько и мнений. Скептики вообще предпочитали воздерживаться от каких бы то ни было категорических суждений о вещах и явлениях, так как разные суждения об одних и тех же вещах вступают в противоречие. Пройдя через различные философские школы, течения релятивизм приобретает новый виток в XXI веке, прежде всего в связи с развитием науки и проблемой объективности научного познания. Говоря о причинах современного научного релятивизма, Елена Мамчур в своей книге «Еще раз о концепции эпистемологического релятивизма» так объясняет его особенности: «Сторонники релятивизма ссылаются на то, что в современной науке возникла совершенно новая, по сравнению с классической, ситуация. В классической науке полагали, что можно описать объект «сам по себе», безотносительно к измерительному прибору или экспериментальной установке. (Можно назвать такое описание *объектным*.) Но уже в квантовой механике это оказывается невозможным. В неклассической науке объект «сам по себе», безотносительно к средствам наблюдения, недоступен для познающего субъекта. Знания об объекте не отделимы от экспериментальной установки, с помощью которой мы их получаем. То же самое характерно и для релятивистской физики»². Хотя вопрос достоверности изучаемого объекта

¹ Термин происходит от лат. *relativus* («относительный») — идеалистическое учение об относительности, условности и субъективности человеческого познания. Признавая относительность знаний релятивизм отрицает объективность познания, считает, что в наших знаниях не отражается объективный мир. См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.

² Мамчур Е. Еще раз о концепции эпистемологического релятивизма // Полигнозис. 2009. № 4. С. 43–53.

в науке не является в собственном смысле предметом нашего нынешнего рассмотрения, однако нужно заметить, что эта проблема вышла за рамки исключительно точной науки. Вопрос о многообразии культур и сложности обнаружения среди этого множества истины стал решаться по аналогии с наукой — путем объявления относительности знания. Так, из области сомнения в объективности научного восприятия мира релятивизм стал активно вторгаться в сферу религии и нравственности. Но если в науке релятивизм не парализовал деятельность мысли, истина осталась главным объектом научной мысли, то в социальной жизни релятивизм вызвал массу отрицательных явлений, и прежде всего из-за категорического отказа от возможности обнаружить истину.

Разнообразие различных культур, религиозных и нравственных систем, оказавшихся благодаря процессу глобализации одновременно в поле зрения всего человеческого сообщества, вызвали необходимость решения проблемы столкновений их духовных ценностей и нравственных норм. Для решения возникшей проблемы определения критериев оценок культурных ценностей пошли путем изменения вектора ценности. Место истины как объекта религиозной и нравственной ценности заняли свобода и права человека, а религиозная и нравственная истина объявляется при этом относительной. Патриарх Кирилл в своем выступлении говорит, что наша эпоха постмодерна не оперирует понятием истины, истины нет, истина относительна, вместо истины появилось понятие плюрализма мнений, в основе которой лежит ложно понимаемая, но получившая огромное распространение идея прав человека. Если в человеческом сознании сокращается расстояние между истиной и ложью, тогда происходит страшное — стираются границы между добром и злом. Дальше вопрос политтехнологии, создание стандартов посредством образовательного процесса. И если поставить задачу, можно воспитать человечество сегодня, исходя из

этих априори ложных и опасных посылок, в любой системе ценностей³.

Указывая на множественность религиозных и нравственных систем, сторонники релятивизма стали выводить относительность этих воззрений, стоящих в зависимости от особенностей исторического развития общества и сложившихся в нем обычаев и традиций. С наплывом новых религиозных культов, выдвижением идей своеобразно понимаемых прав и свобод человека общество раздробилось на множество осколков, представляющих свои учения с новыми ценностями и нормами поведения, которые, находясь в условиях глобализации, повлекли за собой неверные выводы, требующие абсолютно равного отношения к совершенно несопоставимым ценностям. Подобные выводы стали не просто заявляться частным образом, но и закрепляться в западных странах законодательно. Например, узаконивание однополых браков с правом усыновления во Франции, эвтаназия в Голландии, феминистическое движение, право женщины на совершение аборта, запрет на открытое проявление христианской веры, якобы ущемляющее права иных религий, выливающееся в такие прецеденты, как увольнение с работы за открытое ношение креста или порицание за общественное высказывание своих христианских позиций, как, например, с итальянским министром Рокко Бутильоне, который не был допущен к работе в Европейской комиссии, потому что позволил себе упомянуть о своей принадлежности к Католической Церкви и высказаться по отношению к проблемам аборт и гомосексуализма с точки зрения верующего человека.

Границы между истиной и ложью стали совершенно размыты. Любое мнение и даже порок претендуют на право встать в один уровень с истиной, и никто этому не препятствует, но, напротив, всячески способствуют, чтобы вдруг не

³ См.: *Кирилл, патр.* О нравственном релятивизме постмодерна // http://www.liveinternet.ru/users/julia_ma/post278126940/

получить клеймо экстремиста. Недопустимость отстаивания истины в обществе как абсолютной категории была ярко выражена в произведении Г.К. Честертона «Шар и крест», где борьба за истину между двумя искренне убежденными людьми, атеистом и христианином, встретила не просто безразличие, но порицание, агрессию и даже преследование их со стороны общества. Единственная свобода и единственное право, которое ущемляется в нынешнем глобальном обществе, — это право свободно искать, бороться и проповедовать объективную истину, находящуюся вне зависимости от субъективных мнений.

Митрополит Иларион (Алфеев) в связи с этим характеризует современный релятивизм как тоталитарный: «Тоталитарный характер сегодняшнего релятивизма выражается в его фактической безальтернативности в общественной жизни Европы, что закреплено соответствующим законодательством»⁴. Истина религиозная и нравственная всегда занимала главенствующую роль в жизни человека, она была предметом вождельного поиска, ее отстаивали, за нее боролись и умирали. Поиск истины становился не просто частным вопросом, он охватывал целые народы и государства. Борьба за истину не обходилась без жертв, и порой массовых, казалось бы, что правильнее для всеобщего блага и социального мира, как уравнивать в значении и в правах все, что человек пожелает считать за истину. И вот уже, кажется, должны прекратиться все споры, распри и наступить долгожданное умиротворение в обществе. Однако и здесь нашлось место распрям и спорам, только уже разгоревшимся в новой плоскости, прав и свобод. Мы с удивлением обнаруживаем, как появляется все больше людей, ощущающих ущемленность своих прав на свободу, под которой все чаще оказывается требование узаконить порок.

⁴ Иларион (Алфеев), митр. Христианский ответ на вызов тоталитарного релятивизма // <http://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-xristianskij-otvet-na-vyzov-totalitarnogo-relyativizma/>.

Что же в итоге: и от истины отказались, и свободу не нашли, и мира не получили. Так погоня за правами не дает человеку истинной свободы. *Познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 32), таким образом, свобода, по словам Христа, получает свое начало не в правовой сфере, а лишь в познании истины, которая в полной мере освобождает человека от рабства греха, подчеркивая, что только следование путем нравственной жизни помогает человеку обрести свободу. Апостол Павел предостерегает нас от другой свободы, к которой так сейчас стремится мировое сообщество: *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу* (Гал. 5, 13–15).

Как правило, релятивизм активно проявляет себя в период кризиса цивилизации. Нынешний кризис заключается в том, что общество, стремящееся к глобализации, провозглашает нравственную свободу, обозначающую на деле абсолютное отсутствие нравственных норм, которое накладывается на всеобщее стремление к наслаждению, открывшееся благодаря техническому прогрессу, широким массам, что порождает гедонистическую лихорадку в глобальном масштабе. Как результат этого процесса, стали широко пропагандироваться человеческие пороки, граничащие порой с различного рода извращениями и преступлениями. Релятивизм же стал для них идеологической платформой, создающей в настоящее время на Западе юридическую и законодательную базу, призванную обеспечить их правовой статус, в котором истина объявляется вне закона.

Первоначально релятивизм был противопоставлением догматизма, тогда как сейчас последователи религиозно-нравственного релятивизма формируют свои догматы: «права и свободы человека», «ценности секулярного гуманизма», «толерантность», «плюрализм». Фактически при отречении от существования объективной истины начался процесс

стирания границ между добром и злом. Пресекая любые проявления, поиск или отстаивание истин религиозно-нравственного порядка, ставят на них клеймо нетерпимости и экстремизма. Митрополит Иларион (Алфеев) говорит, что в настоящее время складывается парадоксальная ситуация: христиане как представители религиозного большинства становятся все чаще жертвами нетерпимости и дискриминации в Европе. Данный феномен является результатом противостояния традиционным духовно-нравственным основам христианства со стороны носителей секулярного мировоззрения⁵. Исходя из многочисленных случаев далекого от толерантности отношения к свободе христианского вероисповедания на Западе, можно говорить об идеологическом терроре, направленном на христиан и христианские сообщества со стороны различного рода правозащитников.

Религиозно-нравственный релятивизм, безусловно, ведет к релятивизму личностному. В условиях отсутствия объективной истины личностные ценности также приобретают условный характер и, в зависимости от необходимости или выгоды, могут принимать ту или иную форму. Такие высокие качества человека, как честь, верность, доблесть, мужество и иные, могут стать совершенно вытеснены релятивистскими воззрениями. Еще одна проблема, с которой сталкивается последовательный релятивист, заключается в том, что, не имея возможности ничего доподлинно утверждать, окруженный множеством сомнений, сковывающих его волю, человек ввергает себя в абсолютный агностицизм, абсолютный пессимизм, абсолютное «не».

Как может быть уверен человек в достижении объективного знания, когда у него нет прямого, непосредственного доступа к объекту познания? Всё, что мы называем знанием, является лишь нашим предположением, ведь мы всё воспринимаем исключительно через наши ощущения, откуда

⁵ *Иларион (Алфеев), митр.* Христианский ответ на вызов тоталитарного релятивизма...

мы знаем, что есть что-то кроме них? Ответ в том, что у нас нет никакого доказательства того, что существует что-то вне наших ощущений; это в лучшем случае разумная гипотеза. Возможен ли выход из такого состояния полного агностицизма? Возможно ли преодолеть этот всесковывающий релятивизм? Что может заменить человеку, как считают, дискредитировавшее себя знание, некогда возвеличенное, считающееся могущественнейшей силой, поставленное верховным судьей во всех вопросах, которое сегодня становится совершенно бессильным перед сковавшим его релятивизмом?

Человеку остается последний способ постижения бытия, некогда поруганный и охаянный, презираемый за свою «недоверность», но являющийся сегодня единственным способным вернуть человеку Истину, — вера. Вера без сомнения является одним из главных методов постижения мира, человека, Бога, преодоления сомнения и всяческих условностей. *Верую,* — пишет апостол Павел, — *познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое* (Евр. 11, 3).

Мы не отмечаем, подобно релятивистам, значение разума, якобы не могущего отличить истину. Деятельность разума, безусловно, имеет свое место и в постижении истины путем веры. Виктор Несмелов так видит гносеологический процесс объективной действительности, в котором вера играет главную роль: «Так как целая масса познаний по условиям развития субъективной действительности необходимо относится к содержанию объективной действительности и утверждается именно в качестве объективных познаний, то фактом этого утверждения познание очевидно превращается в проблему, потому что фактически все построения мысли суть только явления субъективной действительности, и если они переносятся на содержание объективной действительности, то **в этом переносе фактически осуществляется не явление познания, а явление веры, которая, однако, утверждается в качестве**

действительного познания. В этом именно утверждении и заключается вся суть гносеологической проблемы, решение которой совершенно естественно сводится к решению вопроса о том, **как возможна вера в качестве действительного познания»**⁶ (выделено мной.— А. А.).

Главная ошибка противников веры заключается в том, что они представляют веру как бессознательную доверчивость, обвиняя верующих в отсутствии интеллектуальной деятельности. В то время как вера является не наивным соглашательством, противоположным ясному разуму, а целокупным познавательным процессом, в котором участвуют все свойства человеческой личности.

Вера имеет свое положительное преимущество в познавательном процессе и перед разумом. Так, В. Соловьев видит это преимущество в том, что деятельность разума имеет характер чисто формальный или отрицательный. Задача разума — не производить что-нибудь или сообщать какие-нибудь положительные данные, а только разуметь или понимать то, что уж дано помимо разума. Разум сам по себе не может иметь производительной силы, которую имеет, например, воля или фантазия. Вера же утверждает некоторые положительные начала, которые дают новое положительное содержание нашей жизни и знанию. Если таким образом вера открывает нашему сознанию известные положительные данные, конкретно-определенные, то задача разума по отношению к вере может состоять только в том, чтобы освободить или очистить сообщенные верой данные от элемента случайности и произвола и сообщить им форму всеобщности и необходимости⁷.

Преимущество постижения истины через веру заключается еще в том, что она дает положительный результат:

⁶ Несмелов В. Наука о человеке // <http://predanie.ru/lib/book/read/74769/>.

⁷ См.: Соловьев В. Вера, разум и опыт // http://sbiblio.com/biblio/archive/solovev_vera/.

совершает преодоление сомнения путем волевого акта. По словам протодиакона Андрея Кураева, «вера — познание в форме признания»⁸. Вера является необходимым источником познания значительно чаще, чем интеллектуальная деятельность ума, это совершенно не означает отсечение рассудочной деятельности, в чем часто пытаются обвинить веру. Любой человек в несравнимо большей степени верит в любую информацию об окружающем мире, чем проверяет ее истинность, потому что удостоверяться в истинности каждой новой информации физически невозможно.

Область веры не ограничена лишь предметом религиозной веры, но касается многих иных предметов восприятия. Человек верит и в отдельно взятые факты, и в целые закономерности между ними, а на основании этих закономерностей верит во всё новые и новые факты, которым нет конца. Количество принятой на веру информации о мире столь велико, что ни один человек не в состоянии вспомнить даже малую часть того, во что ему постоянно приходится верить. Существует достаточно широкая область познания, которая постигается человеком только исключительно через веру: это и восприятие реальности окружающего нас мира, и межличностные отношения, и нравственные истины, и, наконец, Сам Бог. Недооценивать значение веры как источника познания в крайней степени неразумно. «Эммануил Кант в своей "Критике чистого разума" утверждал, что даже в познании обычных вещей присутствует элемент веры. Человек воспринимает не вещи сами по себе, а лишь их формы, их сущность, истинный смысл до конца неизвестны, они — вне нашего видения, но мы в них верим. Содержание того, что нам говорят, многих речей и лекций, которые слушаем, и даже целых наук в значительной мере держится на нашей вере. "Всякое рассуждение сначала основывается на вере", — писал Ушинский.

⁸ Кураев А., *нпотод.* О вере и знании // <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kuraev.htm>.

В такой функции вера не только определяет устойчивость наших убеждений, но и компенсирует недостаточность рационалистического познания. При этом она представляет не какую-то "второстепенную", а вполне иную, для поведения человека важную форму отношений с истиной. В определенном смысле вся наша жизнь основывается на вере — на убеждениях, истинность которых не может быть доказана (С. Франк). Считается, что вера является естественной потребностью человека и свойством ее души (Г. Ващенко). Она помогает человеку "видеть сердцем"⁹.

Все, что касается области веры, чаще всего представляет для человека архиважное жизненное значение, требующее необходимого выбора, своевременного поступка, определенного отношения, не позволяющего оставаться бездейственным. И в этом случае вера позволяет преодолевать неведение, утверждает убежденность в выборе, дает силу к осуществлению. Верую, как об этом свидетельствует апостол Павел, человек живет в вере и в вере умирает (ср.: Евр. 11). Заканчивая хвалу вере, Апостол пишет: *И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов...* (Евр. 11, 32–33). Фундаментальную роль веры в процессе познания отмечал еще один из первых апологетов Церкви святитель Феофил Антиохийский: «Или не знаешь, что во всех делах предшествует вера?» («Три книги к Автолику», 1, 8). Вера является безусловной необходимостью в условии человеческого существования для осуществления полноценной жизни во всех сферах его деятельности.

Психологический словарь, ссылаясь на В.С. Соловьева, определяет веру (от лат. *ventas* — «истина», *verus* — «истинный»)

⁹ Вера как форма познания // http://www.mother-tongue.ru/kultura/vera_kak_forma_poznaniya/.

как «признание чего-либо истинным с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств. Это не значит, что истины веры не подлежат никаким доказательствам, а значит только, что сила веры зависит от особого самостоятельного психического акта, не определяемого всецело эмпирическими и логическими основаниями»¹⁰.

Вера есть воля, устремленная на область познания. Наиболее очевидной сферой веры является религия, отчего и люди религиозные часто именуются верующими. Казалось бы, причина этого весьма очевидна и заключается исключительно в том, что эта сфера абсолютно недоступна для знания и всецело относится к области веры. Отсюда и множество сомнений относительно веры — проверить ее научным путем невозможно. Однако есть и другие причины, почему Бог познается через веру. Во-первых, потому, что, как ни странно, вера обладает большей достоверностью. Как мы видим, знание не является гарантией истинности, и свидетельство тому — появление научного релятивизма, в то время как вера уже по своему определению дает абсолютную уверенность для осуществления жизненных позиций. Вера обладает простотой восприятия, доступной всякому человеку без исключения, тогда как научное знание доступно весьма узкому кругу специалистов, причем каждому в своей области.

Вера отличается твердостью и постоянством убеждения, тогда как научные знания постоянно изменчивы. Вера дает целостную мировоззренческую картину, в то время как каждая наука имеет узкую направленность и не дает целостной системы. И наконец, отношения между Богом и человеком могут осуществляться лишь в условиях свободного доверия (или же веры), как это происходит в любом межличностном отношении. Веру в Бога невозможно сравнить с простой

¹⁰ Психологический словарь // <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=125>.

верой в безличную вещь. Эта вера требует не установления объективного факта среди других фактов, а личного общения с живой Личностью, в результате которого происходит Ее познание. Как пишет А.С. Хомяков: «С религиозных позиций вера есть следствие непосредственно чувствуемого, переживаемого и осознаваемого разумом человека живого и истинного откровения. Такая вера не подвержена сомнениям, не требует доказательств и обнаруживает себя как созерцание факта невидимого, проявленного в факте видимом»¹¹.

Итак, вера есть особый познавательный процесс, отличный от научного познания, но не менее значимый для человека и представляющий исключительность в обширной познавательной сфере, куда главным образом относятся религиозная сфера и находящаяся с ней в непосредственной связи нравственность. При отсутствии объективно и независимо от человека существующей истины то и другое теряет всякий смысл. *Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге* (1 Кор. 15, 14–15), в этом смысле вера совершенно не терпит ни какой условности. Если учитывать безусловный характер религиозных и нравственных истин, то объявление их условными является не чем иным, как новой формой богоборчества, отрицающей существование Бога. Хитрость здесь заключается в том, что под благовидным предлогом прав, свобод и достижения мира в обществе релятивисты закрыли эту область для дискуссии и споров, объявив религиозную и нравственную сферу предметом исключительно частной жизни.

«Человеку нужно аксиологически "повзрослеть",— считает протодиакон Андрей Кураев,— в его духовном мире должно найтись место таким ценностям, которые не просто удовлетворяли бы какие-то его потребности, но которым он был бы готов служить сам, готов был бы любить и оберегать

¹¹ Психологический словарь...

их. Такие отношения человека с вещью или ценностью никак не подобны обладанию. Отношение между человеком и той ценностью, которая в процесс духовного познания вступает как "объект" познания и предмет гносеологического рассмотрения, не может в христианстве строиться и пониматься как отношение классического субъекта и классического объекта в акте научного познания»¹². Вопрос преодоления релятивистического агностицизма через познавательный процесс веры вполне очевиден и имеет массу преимуществ перед решением его законодательным путем, который расширил права на свободу личности за счет ущемления «прав» истины.

Преодоление религиозного и нравственного релятивизма становится вопросом борьбы за Истину. *Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?* (1 Ин. 5, 1–5).

¹² Кураев А., протод. Указ. соч.